

Не в силах разгадать причины переменчивого отношения Цяньлуна, Хунши решил сосредоточиться на главном — на том, как укрепить собственное положение и обезопасить своих людей. Вспоминая тайные силы и связи, которые в последнее время передавал ему Иньжэн, он прекрасно понимал тревогу старшего брата. Поэтому он изо всех сил учился управлять этой скрытой сетью, расширял влияние и пускал в ход все те уловки, благодаря которым когда-то выживал в прошлой жизни. На людях он по-прежнему оставался невинным, наивным ребенком. Однако после того, как восьмой принц Юньсюань несколько раз крупно из-за него погорел, желающих связываться с дворцом Икунь поубавилось. Все понимали: мало того что двенадцатый принц в случае чего готов пойти напролом, не щадя собственной жизни, так теперь еще и за его спиной стоит скрытный, расчетливый тринадцатый принц, которого никак нельзя сбрасывать со счетов. От этой парочки действительно лучше держаться подальше.

Иньти вернулся в усадьбу под конвоем Фулунъаня. Как баньду двенадцатого принца, ему предстояло сопровождать его на осеннюю охоту. Сначала он заглянул во внутренние покои, где выслушал длинные напутствия супруги Фухэна, госпожи Гуалгия. Стоило ему выйти за порог, как старший брат бесцеремонно сцапал его за шиворот и уволок в кабинет отца.

Однако Фухэн лишь молча смерил его взглядом, дал пару коротких наставлений и отпустил.

Иньти, конечно, заметил разочарование Фухэна. Но там, за высокими стенами Запретного города, его ждал вновь обретенный младший брат и клятва, которую он нарушил в прошлой жизни. На этот раз он не отступится и не предаст.

Одиноким людям слишком дорожат крупными искреннего тепла — они помнят их до конца своих дней.

Одиноким людям к тому же на редкость непритязательны. Тот, кто однажды обжёгся, больше не ищет лишнего: он просто не вынесет новой боли, когда всё вновь рухнет без надежды на спасение.

Оглядываясь назад, Иньти впервые радовался тому, что в прошлой жизни рано выбыл из безжалостной схватки за престол. По крайней мере, они с Баочэном не успели стать непримиримыми врагами, жаждущими крови друг друга. Всё обошлось. Слава богу, ещё не поздно всё исправить.

И всё же на повороте галереи Иньти невольно замедлил шаг. Он бросил быстрый взгляд на окно отцовского кабинета и вздохнул. В этой жизни невозможно получить всё сразу: здешними семейными узами ему, увы, придётся пренебречь. Сделав выбор, он решительно зашагал прочь.

В покоях Иньти за столом сидел Хунси, уткнувшись в книгу. Услышав шаги, он даже головы не поднял. Лишь когда вошедший сел напротив, юноша соизволил оторваться от чтения и внимательно, с ног до головы, его осмотрел. Хмыкнув про себя, он отметил:

"Цел и невредим, да ещё и румянец во всю щеку. Похоже, отец его и пальцем не тронул. Наш родитель с каждым днём становится всё мягкосердечнее!"

Иньти заприметил Хунси ещё через окно, и на миг перед его глазами возник призрак прошлого. Когда-то он точно так же стоял во дворе и наблюдал, как Баочэн засиживался допоздна за книгами. Тот делал вид, что ничего не замечает, но всегда оставлял для него чашку тёплого чая... Тряхнув головой, он прогнал наваждение и вошёл. Он сел напротив племянника. Говорят, облик человека отражает его душу. И правда: черты лица этого мальчика с каждым годом всё сильнее напоминали его прежний, до боли знакомый облик из прошлой жизни.

Хунси бесцеремонно оглядел его, не скрывая разочарования, сокрушённо покачал головой и снова уткнулся в свиток. Иньти лишь вздохнул от такой неприкрытой дерзости. И ради этого он растил сорванца целых шесть лет? Три года назад, когда он открыл ему правду об Иньжэне, парень заметно притих, перестал ежечасно строить козни дяде и послушно взялся за изучение медицины. Но всё же, Хунси, неужели ты забыл, чьими трудами вырос? Как можно быть настолько неблагодарным!

Пожалуй, единственным благом перерождения для Иньти стало то, что его давняя вражда с Иньжэном наконец сошла на нет. Но это не отменяло вопиющей несправедливости судьбы. Стоило только взглянуть, как устроился Иньжэн! Да, его нынешний «батюшка» Цяньлун отличался редким самодурством, но в остальном мальчишка купался в любви: родная матушка души в нём не чаяла, старшая сестра баловала, а младший брат стоял за него горой. Местные принцы со своими детскими интригами не могли причинить ему вреда — их жалкие козни разбивались в пух и прах.

А что досталось самому Иньти? Нынешний отец грезил лишь верной службой престолу, матушка обожала Хунси, старшие братья держали его в ежовых рукавицах, зато младшего баловали без памяти. Да чего греха таить, он и сам то и дело ловил себя на желании потакать этому паршивцу... Похоже, Иньжэн и Хунси родились под счастливой звездой. Размышляя об этом, Иньти почувствовал укол глухой обиды:

"И почему меня вечно никто не любит?"

Тем временем Хунси, невозмутимо потягивая чай, мимоходом пододвинул к нему вторую пиалу. Лучи заходящего солнца скользнули по лицу мальчика, окрасив его щеки мягким багрянцем.

Посмотрев на пиалу, Иньти невольно улыбнулся. Ну что за упрямый характер — весь в отца, один в один.

Он взял чай, сделал глоток и тихо откашлялся.

— Сегодня двенадцатый принц...

Хунси молча слушал новости об Иньжэне. Со временем из этих рассказов он без труда догадался, кто скрывается под именем Юнцзина. В конце концов, Павильон Пьяного Бамбука не был известным старым заведением, и найти его обычному человеку было бы не под силу.

Поглаживая пальцами переплёт книги, Хунси помрачнел, но его охватила тёплая грусть. Он и подумать не мог, что судьба вновь сведёт их вместе. Впрочем, теперь, когда Хунши рядом со вторым принцем, за безопасность отца можно не беспокоиться. Этот мальчик всегда отличался преданностью и заботой, он сделает всё, чтобы оградить своего покровителя от обид — хотя нынешнее положение Иньжэня и без того унизительно. Благодаря Хунши отец хотя бы находит в себе силы бороться. Ведь после сокрушительных ударов прошлой жизни в душе любого человека поселилась бы беспросветная тоска и апатия. Тот, кто потерял всё, не захочет даже пальцем пошевелить, пока опасность не припрет его к стене. И только забота о близких способна заставить его очнуться.

Взглянув на сидящего напротив дядю, Хунси мысленно вздохнул. Когда старший дядя впервые рассказал ему, кем переродился отец, но наотрез отказался устраивать их встречу, он пришёл в ярость. Лишь успокоившись и выслушав доводы Иньти, он признал его правоту. Старший дядя действительно понимал их обоих слишком хорошо. Пусть сейчас он и старался казаться рассудительным, стоило делу коснуться прошлого или его отца, как вся его выдержка летела к чертям. Узнай Иньжэн, что его сын тоже здесь, он непременно пожелал бы увидеться. Но смог бы он после этой встречи спокойно уйти? А если бы и вернулся в усадьбу Фухэна, то, погружённый в свои мысли, рано или поздно выдал бы себя перед нынешней семьёй.

Он отчётливо помнил, как тогда дядя положил руку ему на голову и тихо произнёс:

— Сначала обрети силу, чтобы защитить себя и тех, кто тебе дорог, а уже потом ищи встречи.

С тех пор Хунси запер тоску по отцу в глубине души. И лишь глухими ночами, просыпаясь от смутных снов, он бережно касался стоявшей у изголовья шкатулки, прежде чем снова провалиться в забытие.

С самого своего перерождения Иньжэн заставлял себя держаться подальше от кнотов и плетей. В прошлой жизни его привычка лихо управляться с плетью была слишком известна. Кто знает, помнит ли об этом Хунли? Стоит дать волю старым замашкам, и неизвестно, сколько ещё «старых лис» в Пекине почуют неладное. Нельзя допускать, чтобы враги скрывались в тени, пока они сами остаются у всех на виду. Но порой, когда гнев брал верх, он всё равно по привычке тянулся рукой к поясу.

А за стенами Запретного города у четвёртого молодого господина из клана Фуча была одна странная причуда. С трёхлетнего возраста каждый год в один и тот же день он заказывал себе новую девятихвостую плетё, которая с каждым разом становилась всё длиннее. При этом никто никогда не видел, чтобы он пускал её в дело. Слуги в Бамбуковом павильоне шептались, что лакированная шкатулка у изголовья постели хозяина — самая неприкосновенная вещь во всем поместье.

На этот раз Цяньлун взял на осеннюю охоту всех своих сыновей, чьё здоровье позволяло держаться в седле и натягивать лук. Это решение императора вызвало у придворных немало недоумения.

Иньти уже давно ломал голову над тем, как Цяньлун относится к Иньжэню и Хунши, но так и не пришёл к какому-либо выводу. На немилость это походило мало: ни одно важное событие не обходилось без их участия. Но и особой любви заметно не было — в обычные дни император словно не замечал их существования, держа на задворках своего внимания. Проведя немало времени в раздумьях, он с досадой признал, что, несмотря на душу умудрённого опытом старца, он совершенно не понимает мотивов этого взбалмошного потомка.

Войдя в шатёр, Иньти принялся помогать Линь Яо раскладывать дорожные мелочи, невольно расставляя их именно так, как привык Иньжэн. Линь Яо лишь удивлённо приподнял брови. Он пришёл в себя только тогда, когда слуга почтительно поклонился и покинул шатёр. Он горько усмехнулся: оказывается, то, что казалось давно забытым, прочно врезалось в память. Некоторые мелочи он помнил даже отчётливее, чем прежде.

Опустившись на постель Иньжэня, Иньти тяжело вздохнул. На самом деле он никогда не умел читать чужие мысли. Да что там чужие — он и в собственных чувствах толком не разобрался. В прежние годы, когда батюшка без устали возносил Иньжэня, все его мысли были заняты лишь тем, как свергнуть соперника. Он не понимал причин ярости брата, а истинные мотивы за переменчивым гневом и милостью отца постиг лишь много лет спустя.

В молодости Иньти перепоручил заботы о доме супруге и почти не обращал внимания на детей. Лишь оказавшись под пожизненным арестом, когда старшие дочери уже вышли замуж, он наконец присмотрелся к подраставшему младшему поколению. Будто пелена с глаз спала: он осознал истоки своего вечного раздора с Баочэном и начал смутно догадываться, о чём думал старый император. Но времени на исправление ошибок уже не оставалось. В душе его поселилось глухое раскаяние перед матерью, детьми, супругой, дядей и, конечно же, Баочэном. Тяжёлый груз вины, который невозможно искупить. Иньти помрачнел от глубокой тоски.

Вошедший в шатёр Иньжэн застал брата в глубокой задумчивости. Ему не нужно было объяснять, какие мысли терзали сейчас Иньти. На душе у него сделалось муторно. Обычно этот упрямец раздражал своими вечными усмешками, и они при каждой встрече принимались язвить и препираться, но видеть его таким непривычно притихшим было ещё тяжелее.

— Едем верхом! Составишь мне компанию, — требовательно произнёс Иньжэн.

Иньти очнулся от дум и посмотрел на стоявшего в дверях юношу. Солнечные лучи мягко очерчивали его силуэт, лишая образ привычной резкости. Пожалуй, именно таким Баочэн и был на самом деле. Заметив, как брат нетерпеливо вскинул брови, он тепло улыбнулся. Главное, что сейчас Баочэн здесь, рядом, никуда не денется. К тому же он впервые заговорил без привычной колкости, так что не стоило его злить.

— Хорошо, — ответил Иньти и, поднявшись, шагнул к нему.

Увидев, что к брату вернулось хорошее расположение духа, Иньжэн мысленно перевёл дух. Воспоминания о былом неизбежно бередили старые раны. С другой стороны, он сам советовал Хунши отпустить прошлое, так зачем же теперь самому упрямитесь и дуться на Баоцина? Он развернулся и направился к выходу, но у порога всё же украдкой оглянулся на Иньти. Всё-таки улыбка шла этому человеку куда больше, чем тоскливая мина.

Иньти послушно шёл следом, мягко и непривычно нежно улыбаясь, сам того не замечая.

Иньжэн слишком долго томился в тесных стенах Запретного города. Он истосковался по воле и настоящему делу, а потому, едва добравшись до лагеря, велел седлать коней и отправился объезжать окрестности в сопровождении охраны.

Дичи в угодьях оказалось предостаточно. Охваченный охотничьим азартом, Иньжэн решил размяться.

Свистнула тетива, взвилась стрела — и не прошло и четверти часа, как слуги подобрали подстреленного зайца и лисицу. Иньжэн с гордым вызовом покосился на Иньти.

Иньти до глубины души восхищала эта его царственная спесь. Он прекрасно знал, что брат не терпит поддавков, а потому тоже вскинул лук и пустил две стрелы подряд. Добычей его стали упитанный заяц и фазан. С весёлой усмешкой он посмотрел на Иньжэня.

Иньжэн хищно прищурился и азартно ухмыльнулся. Он вновь потянулся к колчану, явно вознамерившись устроить настоящее состязание.

Заметив этот порыв, Иньти примирительно улыбнулся:

— Двенадцатый принц, завтра начнётся большая охота. Может, побережём силы и померимся меткостью тогда?

У стоявшего неподалеку Уланара Минкая от страха вспотели ладони.

"Фуканъань! Да уймись ты хоть на день, перестань задирать этого грозного отпрыска!"

Сопровождавшие их слуги и стражники целиком состояли из верных людей Иньжэня. Они уже привыкли закрывать глаза на дерзость Иньти, ведь их господин сам сквозь пальцы смотрел на подобные вольности. И всё же в глубине души люди тихо проклинали нахального юношу. Стоило принцу вспылить из-за его подначек, как гнев господский падал на головы несчастных подчинённых. Со временем они научились скрывать страх под маской ледяного равнодушия, из-за чего в глазах посторонних выглядели на редкость грозно и невозмутимо.

Иньжэн смерил Иньти сердитым взглядом, не желая уступать, но долгая дорога действительно измотала его. Телосложение в этой жизни у него было куда слабее прежнего. Не желая опозориться на завтрашней охоте, он неохотно согласился и повернул коня обратно к лагерю.

Иньти числился личным баньду Иньжэня, а потому их поселили в одном просторном шатре.

Любуясь летящим впереди всадником, Иньти чуть сбавил шаг и спокойно поехал следом. Оказавшись у шатра, он заметил у входа Линь Яо, который топтался на месте с крайне неловким видом. Догадавшись, что Иньжэн сейчас принимает ванну с дороги, он подбодрил слугу кивком и, развернув коня, отправился на поиски Фулунъаня.

Старший брат Фулунъань засыпал его поучениями и отпустил лишь с наступлением сумерек. Направляясь обратно к шатру и ведя коня под уздцы, Иньти уныло размышлял о том, что с тех пор, как он стал баньду двенадцатого принца, его новые родичи превратились в невыносимых ворчунов. Только и слышно со всех сторон: «будь осторожен», «веди себя скромно», «соблюдай приличия». А ведь в его собственном дворе ещё сидит племянник Хунси, который ежедневно выслушивает доклады о каждом шаге двенадцатого принца и буравит Иньти ледяным взглядом, высматривая, не обидел ли тот его обожаемого отца. Он начинал всерьёз подозревать, что в этой жизни ему суждено лишь расплачиваться по старым долгам перед Иньжэном.

Внутри шатра царил полумрак. Свечи давно потушили, но комнату заливал мягкий призрачный свет ночной жемчужины, без которой Иньжэн никогда не ложился спать. Иньти тихонько, стараясь не шуметь, подошёл к своей постели и разделся. В ночной тишине отчётливо раздавалось мерное дыхание двоих людей. Иньжэн дышал прерывисто, то и дело ворочаясь во сне. Иньти помедлил, всматриваясь в темноту, но всё же лёг на своё место. Стоило ему погрузиться в дрему, как тишину разорвал полный ужаса крик брата:

— Нет!

Иньжэн резко сел на постели, широко распахнув глаза. Сердце бешено колотилось в груди, тело покрылось холодной испариной. Это был всего лишь сон... Но перед глазами всё ещё стояли лица Хунси, Хунши, Хунвэя... и Иньти.

Иньти мгновенно вскочил с постели. Босиком, в два широких шага он оказался у ложа брата. Осторожно разжав его побелевшие судорожно стиснутые пальцы, он скользнул под одеяло и крепко прижал дрожащего Иньжэня к себе. К его удивлению, тот даже не попытался вырваться. Скрыв смятение за полуопущенными веками, Иньжэн послушно приник к его груди. За долгие годы после перерождения ночные кошмары приносили не только мучительную боль — порой сквозь них проступали крупницы давно позабытого тепла.

Лишь когда Иньжэн окончательно успокоился, к нему вернулось привычное упрямство. Он слабо толкнул Иньти в грудь:

— Возвращайся к себе.

Иньти даже не шелохнулся, лишь ласково коснулся губами его макушки.

— Сжался, мой упрямый господин, не гони меня на холод. Моя постель уже ледяная, позволь остаться здесь до утра.

Иньжэню не хотелось спорить из-за его дерзкого тона. Он просто закрыл глаза, позволяя брату остаться.

Удовлетворённый Иньти покрепче прижал его к себе и погрузился в безмятежный сон.

Проснувшись на рассвете, Иньти почувствовал, что его талию крепко обнимают чужие руки. Окончательно придя в себя, он опустил взгляд на свернувшегося у него на груди Иньжэня, который даже во сне цеплялся пальцами за его домашние одежды. Иньти счастливо улыбнулся:

"Баочэн, ты ведь простил меня за то, что я когда-то нарушил нашу клятву... Ведь так?"

<http://bllate.org/book/18338/1810274>